

Впрочем, вспыльчивость была единственной вещью, которую он не мог легко контролировать, - она досталась ему от отвратительного отца. И это был его самый большой позор - вспыльчивость; это была его слабость - он делал вещи, о которых сожалел, когда злился. То, что произошло, когда Лили спасла его, было тому подтверждением: вместо того чтобы быть благодарным, он пришел в ярость и назвал ее именем, которое гарантированно причинило бы ей такую же боль, как и ему самому. После этого между ними уже не было ничего прежнего, и в этом он не мог винить ничего, кроме себя и своей вспыльчивости.

"А где Поттер?" спросил Драко, выглядевший... ну, довольно испуганным, и Северус еще больше растерялся. Драко никогда не был напуган; он никогда не видел, чтобы его четырнадцатилетний крестник был напуган - не так, как сейчас.

"Я не знаю", - спокойно солгал Северус; его бровь забавно приподнялась, когда Драко запаниковал ещё больше.

"Дядя Сев, - слабо прошептал Драко, его льдисто-голубые глаза расширились от страха.

"Что случилось, Драко?" спросил Северус, беспокоясь за Драко. Что, черт возьми, происходило с подростками вокруг него?

"Мой отец... показал мне новое заклинание... Я понятия не имел, что это такое", - прошептал Драко, все еще окаменевший; он не мог есть, и весь день был слишком встревожен, чтобы даже думать об обеде.

Северус вспомнил, как Поттер лежал на земле, и почувствовал, как у него заныло в животе. Северус внутренне взмолился, что он ошибается, что Поттер действительно бездельничал; так будет лучше.

"Что это будет за заклинание?" спросил Северус, скрывая панику и беспокойство.

"Я попробовал его на Поттере... Я понятия не имел, что оно может сделать", - сказал Драко; его паника была в самом разгаре, и он трясся от страха. Он не хотел причинять Поттеру боль, не так! Он не мог поверить, что отец показал ему такое ужасное заклинание. Он боялся, что его исключат, и боялся того, что он сделал с Поттером.

"Какое заклинание, Драко?" ещё более яростно потребовал Северус, схватив крестника за плечи и пытаясь успокоить его, чтобы добиться от него хоть какого-то понимания.

"Карнифина", - вскрикнул Драко в ужасе; по его лицу побежали слёзы. Он ещё больше впал в истерику, глядя на побледневшие черты лица своего крёстного: похоже, его крёстный был готов заболеть! Это не сулило ему ничего хорошего.

"Ты знаешь, что делает это заклинание, Драко... твоя латынь очень хороша... почему ты его

использовал?" Северус зарычал; его мир перевернулся с ног на голову. Его крестник, мальчик, которого, несмотря на его отвращение к детям, он любил.

"Он меня игнорировал", - объяснил Драко, говоря, и сам понимая, что говорит, как маленький избалованный мальчишка.

"Ты ведь понимаешь, что только что совершил эквивалент Непростительного, не так ли, Драко?" прошептал Северус, в его голосе звучало недоверие. Как Люциус мог показать сыну такое заклинание и не рассказать, что оно делает? Что, если бы он сделал это в Хогвартсе? Или, что ещё хуже, в присутствии кого-то другого? Он даже не знал, сможет ли защитить своего крестника от последствий своих действий.

"Прости меня, - прошептал Драко, тяжело сглатывая.

"Иди домой, Драко. Иди домой, я должен разобраться с Поттером", - сказал Северус, уже потянув подростка в сторону костра.

"Что со мной будет?" спросил Драко, болезненно бледнея.

"Я не знаю; не советую тебе никому рассказывать, особенно родителям. Я увижу тебя снова, когда начнутся занятия в школе, Драко, - если только мне удастся убедить мальчика, что ты не имел в виду то, что сделал". Гарри Поттер - любимчик Дамблдора, и если он решит рассказать, ты окажешься в Азкабана", - предупредил Северус, чувствуя себя совершенно несчастным; чёрт возьми, почему Дамблдор не мог отпустить Поттера в Гриммаулд Плейс? Этого можно было бы избежать. Он не мог винить Поттера в том, что тот накрутил его крестника; как сказал Драко, Поттер его игнорировал.

Как только Драко улетел домой, Снейп практически бегом начал спускаться в подземелья. Сегодня днём путь к подземельям был быстрым, но теперь подземелья, казалось, приближались к нему, пока он пытался добраться до ребёнка достаточно быстро. Поттер или нет, но ребенок был тяжело ранен, а он этого не видел. Мало того, он выместил свою злость на ребёнке. Он поклялся никогда не становиться его отцом, но сейчас ему казалось, что он им стал. Это был больший удар, чем все, что он мог бы подумать о себе в любой ситуации.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, он оказался у двери в неиспользуемую комнату; она была закрыта. Открыв ее, он с запозданием понял, что там чисто, очень чисто. Сердце замерло, когда он увидел Гарри, лежащего на полу без сознания, и холодную грязную воду, пропитавшую его одежду. Он бросился к нему, прогоняя моющие средства и разлившуюся воду, и перевернул подростка на спину. Сердце его колотилось с бешеной скоростью: он не мог поверить, что упустил из виду, что на ребёнка наложили пыточное проклятие. Теперь он это видел: несмотря на бессознательное состояние Поттера, мальчик дрожал и подёргивался каждые несколько секунд.

Северус подхватил подростка и быстро направился в комнату мальчика. На мгновение он неловко попятился, но потом решил, что лучше переодеть мальчика: Гарри пролежал в

холодной комнате бог знает сколько часов, и ему нужна была ночная одежда. Он подошел к комоду, но почувствовал замешательство: в ящиках не было ничего, кроме боксеров, которые казались в десять раз больше. Носки он комментировать отказался. Заглянув в шкаф, он увидел только школьную форму мальчика. Низко рыча в горле, он открыл детский сундук и наконец нашел одежду. Он вытащил ее, прежде чем его удовлетворение от того, что он что-то нашел, переросло в недоумение и шок.

Они были похожи на лохмотья. В них было много дыр, они воняли... Это так напомнило Северусу его собственное детство, что он в шоке выронил их. Он вспомнил, что ему всю жизнь приходилось носить подержанную одежду, но она хотя бы была ему по размеру. Конечно, Дурсли не могли быть в плохом положении; он знал, что им платят деньги за содержание этого отродья. Дамблдор как-то упоминал об этом, когда Гарри было около трёх лет.

Впервые Северус увидел всё с поразительной ясностью. Реакция мальчика на возвращение домой, отсутствие приличной одежды, подбострастное отношение... Северус все еще был в замешательстве: почему мальчик скрывал это? У него были люди, которые его любили; его бы убрали в считанные секунды. Дамблдор ни при каких обстоятельствах не позволил бы мальчику остаться там, если бы знал. Несмотря на своё замешательство, Северус прекрасно понимал, почему мальчик не рассказал, и чувствовал, как его сердце замирает от страха и гнева. Он схватился за ствол, чувствуя, что готов взорваться от всех этих борющихся внутри него эмоций. Это был сын Лили. Сын Лили... Он не должен был подвергаться насилию. Северусу и в голову не приходило, что с Гарри могут жестоко обращаться. Его все любили, он был последним человеком, о котором можно было бы беспокоиться.

В душу Северуса начали закрадываться сомнения. Неужели он проигнорировал все признаки, так как держался за ненависть, которую испытывал к мёртвому человеку? Нет. Нет, он не мог, не мог... Несмотря ни на что, Северус не мог оправдать жестокое обращение с детьми. За свою карьеру в Хогвартсе он помог многим детям, детям из всех четырёх домов; их собственные главы домов не смогли справиться с этим. Они даже не пытались помочь, оставляя эту проблему на усмотрение Северуса, и он с ней справился. Многие хотели бы сказать, что все они были выходцами из Слизерина, просто потому, что в раннем возрасте научились самосохранению - очень слизеринской черте, - но это было не так. Многие дети, подвергшиеся насилию, были из Хаффлпафа, Рейвенкло, Гриффиндора, а также Слизерина. Дети, подвергшиеся насилию, нелегко доверяли, но когда доверяли, то доверяли до тех пор, пока их не сломали - черта Хаффлпафа. Многие дети, подвергшиеся насилию, читали книги, чтобы отвлечься от суровой реальности своей жизни, чтобы выжить - черта Рейвенкло. Некоторые мужественно переносили то, что с ними делали, сохраняя свою доброту, как гриффиндорцы. Другие становились горькими и холодными и выживали из чувства самосохранения, решив никогда не заводить друзей и семей после того, что случилось с ними в детстве. Так же поступил и он сам, что было характерно для Слизерина. Некоторые даже использовали не одну, а все четыре черты.

Северус чувствовал себя таким усталым; всё вокруг навалилось на него. Он быстро вышел из комнаты и собрал все необходимые зелья. По дороге он захватил одну из своих чёрных шёлковых ночных рубашек и пару трусов-боксёров. При мысли о том, что на прошлой неделе он так неохотно отдал мальчику часть своей одежды, ему стало не по себе. Он был рад, что во время обучения зельеварению прошёл курс подготовки магических целителей. Таким образом, он мог помочь мальчику, поскольку никого другого привести сюда не мог. Он ни за что не стал

бы звонить Поппи - она была бы обязана кому-нибудь рассказать.

Сначала он снял с Гарри верхнюю одежду и тут же застыл на месте: на спине мальчика виднелись шрамы от ремня и кнута. Он слишком хорошо знал эти следы, имея дело с детьми, подвергшимися насилию, и видел их на своей собственной спине, пока не создал зелье для их удаления. Это зелье он не афишировал; с его помощью люди, подвергшиеся насилию над своими детьми, могли бы облегчить себе жизнь, если бы им удалось удалить следы. Как бы ни была хороша магия, такие повреждения нельзя было излечить полностью, их можно было только скрыть, зачаровать и залечить, пока они не превратятся в блеклые линии; с его зельем шрамы исчезали полностью.

Северус слегка коснулся их, словно не веря, что они действительно есть. Он отдернул руку, словно обжёгся, когда почувствовал, насколько они реальны. Сглотнув, он поклялся отомстить Дурслям, и если ему станет известно, что Дамблдор знал о том, что происходит с ребёнком, то старика ждёт гнев разъярённого Северуса Снейпа. Одно из зелий, которое он дал Гарри, было "Сон без сновидений"; оно поможет ему заснуть до завтра. Он снял брюки и с отвращением посмотрел на оскорбительную пару нижнего белья. Вздохнув, он изгнал трусы; он не собирался позволять ребёнку носить их - он использовал нитки, чтобы удерживать их на ногах! После этого он одел подростка в свои собственные ночные и нижние рубашки, уменьшив их до размеров, которые он мог бы подогнать под себя.

Гарри согрелся, но всё ещё чувствовал себя холодным и липким. Приподняв его, Северус откинул одеяло и положил его на середину кровати. Северус ворчал, что ему приходится укладывать Гарри, но тем не менее сделал это. Сделав всё, что мог, он просто стоял с безэмоциональным лицом, сложив руки на груди и погрузившись в раздумья.

Все, что он узнал сегодня, крутилось у него в голове, не давая покоя. В конце концов он встал и отправился на кухню, где выпил три рюмки виски - ему это было чертовски необходимо. Однако он знал, что лучше не пить слишком много; его отец всегда так делал, и посмотрите, что из этого вышло. Северус обычно заканчивал тем, что выбивал из него всю дурь. Он предпочёл бы, чтобы это был он; его мать не была достаточно сильной, чтобы противостоять его отцу, и несколько недель была очень слаба после его побоев.

Он знал, что ему придется рассказать Дамблдору о том, что он обнаружил; ему не терпелось это сделать. Он также знал, что ему придется поговорить и с Гарри. Он нахмурился, осознав, что только что сделал: впервые в жизни подумал о мальчике как о Гарри.

<http://tl.rulate.ru/book/100317/3426433>